

На правах рукописи

Рядовая Наталья Сергеевна

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРГУМЕНТАТИВНЫХ
СТРАТЕГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТОВ США И РОССИИ)**

*10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Москва 2013

Работа выполнена на кафедре английского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования (ФГБОУ ВПО) «Омский государственный педагогический университет».

Научный руководитель:

член-корреспондент РАН,
доктор филологических
наук, профессор
Виктор Алексеевич Виноградов,
заведующий отделом африканских языков
Института языкознания РАН

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, доцент
Андрей Александрович Кибрик,
заведующий сектором ареальной
лингвистики Института языкознания РАН

кандидат филологических наук, доцент
Светлана Николаевна Вековищева,
доцент лингвистического факультета
Московского государственного областного
университета

Ведущая организация:

Уральский государственный педагогический университет

Защита состоится 10 октября 2013 г. в 11.30 час. на заседании диссертационного совета Д 002.006.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте языкознания РАН (125009, Москва, Б.Кисловский пер., д.1, стр.1, конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН.

Автореферат разослан «7» сентября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено изучению, описанию и сопоставлению аргументативных стратегий политического дискурса, эксплуатируемых на российском и американском политических олимпах. Исследование проводится на материале институционального политического дискурса и ограничивается кризисной коммуникацией. Работа выполнена в русле социально-когнитивного и прагматического подходов к изучению дискурса.

Актуальность данного сопоставительного исследования обусловлена следующими факторами:

- возрастающей ролью политической коммуникации; решение целого ряда социальных и политических проблем связано с их адекватной интерпретацией;
- востребованностью в сфере политики результатов изучения речевых, в том числе аргументативных, стратегий для повышения эффективности политической коммуникации;
- отсутствием в лингвистической литературе определенности в параметрах сопоставления аргументативных стратегий;
- потребностью в системном изучении политического дискурса в кризисной ситуации.

Исследования стратегий лидеров политического олимпа неоднократно проводились и проводятся современными политологами (Friedenberg 1997), социологами, психологами. Лингвистика также вносит свою лепту, подчеркивая, что политика и язык есть две неразделимые сущности. Изучаются стратегии дискурсов отдельных политических лидеров (Мордовин 2004), отдельных политических эпох (Амиров 2002), отдельных политических культур (Бардина 2004; Бокмельдер 2000). Сопоставительное исследование аргументативных стратегий различных

политических культур осложняется отсутствием определенности в параметрах сопоставления.

По своей проблематике исследование находится в контексте современных работ по 1) теории аргументации (Алексеев 1991, Баранов 1990, Бокмельдер 2000, Брутян 1992, Демьянков 1989, Еемеерен 1992, 1994, Фанян 2000); 2) теории дискурса (Дейк 1989; Кибрик, Паршин 2001; Schiffrin 1994); 3) теории политического дискурса (Баранов 1997; Водак 1997; Карасик 2004, 2000; Чудинов 2001); 4) теории речевого воздействия (Демьянков 1989, 1981; Иссерс 1999); 5) когнитивной лингвистике (Баранов 1990, Красных 2002; Кубрякова 1991; Лакофф, Джонсон 1990); 6) прагмалингвистике (Почепцов 2001); 7) социалингвистике (Мечковская 1996); 8) теории речевых актов (Остин 1986; Searle 1979); 9) теории оценки (Арутюнова 1982; Баранов 1990; Hunston and Thompson 2000); 10) теории кризисной коммуникации (Почепцов 2001; Adubato 2008; Anthonissen 2008; Coombs 2007; Cutlip et al. 2006).

Объектом исследования избираются аргументативные стратегии, используемые политическими лидерами в ситуации кризиса.

Предметом исследования является специфика функционирования аргументативных стратегий в политическом дискурсе в зависимости от интенций, риторического стиля говорящего и политических традиций, к которым он принадлежит.

Материалом исследования послужили 154 текста речей политиков США и России на английском и русском языках (78 на английском языке и 76 — на русском) из официальных интернет-источников, печатных и электронных СМИ, книг журналистов, политологов и политических обозревателей, видеозаписей выступлений президентов общей длительностью 210 минут на английском языке и 140 минут – на русском. В политическом дискурсе России в период с 2001 по 2013 год нами были проанализированы тексты, порожденные лидерами политического олимпа

в связи со следующими событиями: 1) захват заложников в школе №1 в Беслане, 2004 год; 2) грузино-осетинский конфликт, 2008 год; 3) взрыв боеприпасов на арсенале Минобороны в Удмуртии, 2011 год; 4) наложение Россией вето на резолюцию Совета безопасности ООН о ситуации в Сирии, 2011 год; 5) авиакатастрофа под Тюменью, 2012 год; 6) наводнение в Краснодарском Крае, 2012 год; 7) взрывы в московском метро, 2010 год; 8) террористический акт в аэропорту Домодедово, 2011 год.

Кризисная риторика президентов США в выбранный нами период разворачивалась вокруг следующих рассмотренных нами критических ситуаций: 1) террористический акт 11 сентября 2001 года; 2) начало военных действий в Ираке, 2003 год; 3) стрельба в кинотеатре штата Колорадо, 2012 год; 4) массовое убийство в начальной школе в штате Коннектикут, 2012 год; 5) лесные пожары в штате Колорадо, 2012 год; 6) ураган Сенди, 2012 год; 7) взрывы во время марафона в Бостоне, 2013 год.

Целью данного исследования является выделение и описание типов аргументативных стратегий, актуализируемых в кризисных текстах политических дискурсов России и США, а также проведение сопоставительного анализа использования выделенных стратегий в данных национальных политических дискурсах.

Поставленная цель позволяет сформулировать ряд задач, стоящих перед исследователем:

1) охарактеризовать теоретические основы и методику исследования политической аргументации;

2) выявить речевоздействующий потенциал аргументативных стратегий, используемых политическими лидерами;

3) выработать методику исследования аргументативных стратегий политического дискурса на основе общепризнанных подходов к анализу дискурса;

4) на основе выработанного метода выявить и описать типы аргументативных стратегий, используемых российскими и американскими политическими деятелями в ситуации кризиса;

5) провести сопоставительный анализ аргументативных стратегий российского и американского политических дискурсов.

Методология настоящего диссертационного исследования основывается на использовании комплексной методики лингвистического анализа, включающей описательный метод, метод логического моделирования, логико-семантический анализ и квантитативный анализ. При описании стратегий используются элементы теории речевых актов (Серль 1979) и инструментарий дискурс-анализа (Дейк 2008).

Научная новизна исследования заключается в выделении и системном описании семи самостоятельных типов аргументативных стратегий на материалах кризисной политической риторики России и США.

Теоретическая значимость работы обуславливается тем, что она вносит определенный вклад в описание кризисной коммуникации политического дискурса с точки зрения используемых политиками аргументативных стратегий. Разработана и опробована трехуровневая модель описания аргументативных стратегий с точки зрения их лексико-синтаксического, семантического и прагматического компонентов.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при подготовке курсов по теории коммуникации, в спецкурсах по прагмалингвистике, теории аргументации, политической лингвистике, при обучении студентов аргументированной речи и критическому восприятию политической риторики в процессе изучения английского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Политический дискурс целесообразно понимать как вербализацию ментального процесса коммуникантов в контексте социального взаимодействия, характеризующуюся политической интенциональностью, аргументативным содержанием и стремлением к диалогичности.
2. Аргументативная стратегия, будучи речевым выражением планируемого участником социального взаимодействия вербального поведения, представляет собой ряд контекстуально и прагматически связанных пропозиций в защиту основного тезиса, направленных на убеждение адресата в необходимости соответствующего корректирования его модели мира.
3. Оценка, или высказывание о ценностях, в политическом дискурсе, используется как речестратегический прием, повышающий аргументативную силу высказывания, и является одним из параметров пропозиционального содержания аргументативной стратегии.
4. Целостное описание аргументативной стратегии представляет собой комплекс лексико-синтаксического, семантического и прагматического компонентов, которые соответственно отражают реализацию конкретной стратегии на уровне клаузы (словосочетания), предложения и текста, на уровне семантических структур и на интенциональном уровне.
5. В кризисном политическом дискурсе первые лица государств используют стратегии легитимизации, интерпретации, ориентации, мотивации, демонстрации контроля, интеграции и агональности.

Апробация работы. По результатам исследования представлены доклады на научных конференциях в Омском государственном педагогическом университете (в период 2008-2012 гг.). Материалы и выводы диссертации были опробованы при подготовке спецкурса

«Политическая лингвистика». Основные положения проведенного исследования отражены в семи публикациях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, списка литературы, включающего 233 наименования и списка источников практического материала. Диссертация содержит 6 таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследования, определяется его теоретическая и практическая значимость, формулируется объект и предмет исследования, приводятся цели, задачи работы и методы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Теоретические основы исследования аргументативных стратегий политического дискурса» определяются основные параметры политического дискурса, аргументативной стратегии, рассматривается роль оценки и ценности в процессе аргументации, разрабатывается механизм описания аргументативной стратегии, выделяются стратегические доминанты трех президентов США.

Отталкиваясь от социально-когнитивного (Dijk 1997) и прагматического подходов (Schiffrin 1994) к дискурсу, мы можем констатировать, что политический дискурс представляет собой вербализацию ментального процесса коммуникантов в контексте социального взаимодействия, характеризующуюся политической интенциональностью, аргументативным содержанием и стремлением к диалогичности.

Ключевым является контекстуальный фактор, опирающийся на временные и пространственные характеристики дискурса, цели и коммуникативные намерения участников (Dijk 1997; Fairclough, Wodak 1997). Так, политический деятель будет являться создателем и транслятором

политического дискурса только в контекстуально определяемой ситуации, какими, например, являются заседание парламента, митинг и т.д.

Политическая интенциональность предполагает наличие у участников дискурса определенных целей, связанных с осуществлением политического воздействия на адресата, формирование необходимых образов и установок в его сознании (Ушакова, Павлова 2000).

Отсюда, как следствие, вытекает очевидность диалогической, или интерактивной, природы дискурса. Диалогичность политического дискурса при этом является следствием его эксплицитной и имплицитной направленности на адресата и взаимосвязанности с ним, когда адресат предвосхищает и определяет будущее высказывание (Сидоров 2008; Леонтьев 1999).

Аргументация также является неотъемлемой когнитивной частью политического дискурса (Dijk 1997). «Аргументативность составляет одно из конституативных измерений дискурса» (Amossi 2009) и отражает гуманистический характер политической коммуникации, состоящий в признании разумности адресата и его права на принятие решения. Аргументация также является более изощренным способом воздействия на адресата по сравнению с пропагандой или внушением благодаря эксплицитной апелляции к разуму адресата.

Структура, ход и стратегии процесса аргументации подчиняются, в первую очередь, цели аргументации; главное – убедить или разубедить в чем-то адресата (Иванов 1996; Ивин 1999). В этом отношении говорящий будет выстраивать коммуникацию, пользуясь определенными схемами убеждения – аргументативными стратегиями.

Аргументативная стратегия, отражающая аргументативный характер политического дискурса, ориентирована на оказание воздействия на адресата и связана с прогнозированием ситуации. Ее истоки следует искать в мотивах и интенциях, управляющих речевыми действиями говорящего. 1995: 126].

Специфика аргументативных стратегий заключается в опоре говорящим на определенные схемы логического соединения смысловых компонентов текста, сознательно или неосознанно преследующих цель убедить собеседника или опровергнуть его точку зрения (Водак 1997: 103).

Таким образом, аргументативную стратегию можно определить как речевую реализацию процесса планирования участником социального взаимодействия своего вербального поведения, представляющую собой ряд контекстуально, прагматически и логически связанных пропозиций в защиту основного тезиса, направленных на убеждение адресата в необходимости соответствующего корректирования его модели мира. Данное определение отражает когнитивный подход к аргументации, рассматривающий влияние последней на процесс принятия решений адресатом, осуществляемое посредством изменения его модели мира (Баранов 1990б). В политическом дискурсе адресатами могут являться оппоненты или сторонники политического лидера, население страны как потенциальный электорат, мировое сообщество. Так, в процессе рассматриваемой нами кризисной коммуникации политики обращаются к населению страны, к пострадавшим и их семьям, к органам, ответственным за устранение последствий чрезвычайных ситуаций, к виновникам кризисной ситуации.

Аргументативные стратегии представляют интерес с точки зрения процесса планирования коммуникантами своего речевого общения с учетом социального и прагматического контекстов. В силу отсутствия единой системы описания данного феномена, которая позволила бы сопоставлять стратегии как отдельных языковых личностей, так и политических культур в целом, как один из возможных вариантов, мы предлагаем сопоставлять стратегии по их лексико-синтаксическому, семантическому и прагматическому компонентам, которые соответственно будут представлять

реализацию конкретной стратегии на уровне клаузы, предложения и текста, на уровне семантических структур и на интенциональном уровне (уровне речевых актов).

Синтактика аргументативной стратегии будет включать языковые формы ее реализации:

1) на уровне текста – истории, сравнения, аналогии, ирреальные сценарии;

2) на уровне предложения – риторические вопросы, аллюзии, вводные конструкции;

3) на лексическом уровне – эвфемизмы, неопределенно-личные местоимения, слова с двойственной семантикой.

Говоря о семантике аргументативной стратегии, мы будем иметь в виду ее пропозициональное содержание. Так, стратегия «очернения противника» заключается в формировании моделей политически релевантных ситуаций и сопоставлении этих моделей с негативными схемами чуждых политическому деятелю личностей или групп. При этом наблюдается переход от негативного частного к негативному всеобщему (Бардина 2004).

Прагматический компонент аргументативной стратегии будет обусловлен той целью, которую преследует адресант. На макроуровне возможные цели участников политического дискурса могут быть извлечены как дедуктивным способом через анализ функций политического дискурса, так и индуктивно – путем рассмотрения корпуса текстов.

Основополагающим компонентом аргументативной стратегии в политическом дискурсе является понятие ценности. Ценностные представления играют значительную роль при ориентации человека в действительности, помогая ему осмысливать окружающий мир, направлять и координировать свою, в том числе речевую, деятельность (Баранов 1990; Бардина 2004; Rieke and Sillars 1975). Основывая свою аргументацию на разделяемых аудиторией ценностных предпочтениях, участники

политического дискурса имеют больше шансов добиться перлокутивного эффекта. Оценка является неминуемым отражением ценностной системы индивида. Будучи одним из инструментов речевого воздействия в процессе аргументации, оценка является мощным когнитивным средством влияния на сознание адресата и его картину мира.

Исследования оценки и ценностей в политической аргументации можно отнести к одному из двух направлений. Первое основывается на лингвистическом подходе и дискурс-анализе, который предполагает работу с политическими текстами с целью выявления и описания дискурсивных структур, выполняющих оценочную функцию (Fairclough and Faiclough 2011; Benoit 2006). Второе направление исследований занимается изучением эффекта, который ценностно-ориентированная политическая аргументация производит на адресата, его восприятие оратора и представленных аргументов. Наиболее распространенный метод исследования – эксперимент: участникам предлагается прочитать или прослушать одно или несколько ценностно-нагруженных политических обращений, выступлений, а затем ответить на ряд вопросов, касающихся убедительности оратора/автора, вескости предложенных аргументов и других характеристик текста (Nelson and Garst 2005; Garst and Bodenhausen 1996). В данном исследовании мы опирались на принципы лингвистического подхода и использовали терминологический аппарат теории оценки, разрабатываемой отечественными и зарубежными лингвистами (Арутюнова 1982; Баранов 1990; Hunston and Thompson 2000).

Одна из проблем, встающих перед исследователем, заключается в выделении стратегий, которые будут сопоставляться. Критерием для их формулирования может служить частотность использования той или иной аргументативной стратегии в прототипических текстах определенного периода в данном политическом дискурсе.

Так, наш анализ позволил выделить следующие стратегии, преобладавшие в американской политической риторике конца XX–начала XXI в.: аксиологическое контрастирование, создание «мы-группы» через инклюзивное употребление местоимений, использование авторитета источника для изменения ценностных ориентиров аудитории, положительная самопрезентация и очернение противника. Выделение стратегий было произведено по семантическому параметру, тогда как их лексико-синтаксическая и прагматическая реализации могли пересекаться.

Во *второй главе* «Аргументативные стратегии кризисной коммуникации в политическом дискурсе» дается характеристика теории кризисной коммуникации и анализируется ее применение к политическому дискурсу, анализируются речи президентов США и России, произнесенные в ответ на ту или иную трагедию, выявляются стратегии легитимизации, интерпретации, ориентации, мотивации, демонстрации контроля, интеграции и агональности, проводится квантитативный анализ частотности данных стратегий в корпусах российских и американских политических текстов.

Кризисная коммуникация составляет значительную часть политической риторики. Традиционно жанр кризисной коммуникации изучается в рамках общей теории коммуникации (Почепцов 2001), а также теории кризис-менеджмента как одной из областей теории связей с общественностью (Coombs 2007; Cutlip et al. 2006). С. Адубато определяет кризисную коммуникацию как «план или стратегию, применяемые в условиях неординарной ситуации, проблемы или события, с которыми невозможно справиться только с помощью стандартных действий и здравого смысла (Adubato 2008). Кризисная ситуация характеризуется непредсказуемостью возникновения и быстротой развития. Характеризуя феномен президентского кризисного дискурса, исследователи отмечают ощущение безотлагательности и срочности как основное отличие от

некризисного текста (Anthonissen 2008). Отмечается решающее значение первого официального заявления президента.

Успешные кризисные тексты характеризуются честностью и открытостью заявлений, выражением эмпатии и сочувствия пострадавшей стороне, непротиворечивостью заявлений, моментальной реакцией на запросы прессы (Почепцов 2001; Adubato 2008;).

Анализ политического дискурса в кризисной ситуации позволил выделить и описать следующие стратегии, эксплуатируемые лидерами политического олимпа в процессе аргументации: стратегия легитимизации, интерпретации, ориентации, мотивации, демонстрации контроля, интеграции и агональности. Каждая стратегия характеризуется индивидуальным пропозициональным содержанием, а также специфическими языковыми лексико-синтаксическими и прагматическими средствами реализации. В данном исследовании стратегии рассматривались с точки зрения их аргументативного потенциала, то есть в фокус исследования попадали только те из них, которые были частью проводимой политиком аргументации.

Так, одной из наиболее важных стратегий для эффективной кризисной коммуникации является *легитимизация*, помогающая оправдать в глазах аудитории правильность решения, принятого оратором. Пропозициональное содержание данной стратегии можно описать как «я имею право действовать *таким* образом в силу факторов *а, б и с*». Доминантные языковые структуры, характерные для данного типа стратегии, включают модальность долженствования в сочетании с придаточным предложением причины, положительные оценочные структуры для описания своих действий и ожидаемых результатов этих действий. Легитимизация в политическом дискурсе осуществляется через ряд дискурсивных стратегий, описанных в ряде отечественных и зарубежных исследованиях. Так, Т.В. Левен (Leeuwen 2007) рассматривает четыре возможных способа придания легитимности своим действиям:

1. ссылка на авторитет, что подразумевает легитимизацию через обращение к традиции, обычаю, закону, лицам, представляющим институционную власть. Данная стратегия реализуется через вводные конструкции и придаточные предложения с фактивным или эпистемическим глаголом;
2. этическая оценка, предполагающая легитимизацию через обращение к моральным ценностям; реализуется оценочно нагруженной лексикой, апеллирующей к нужным этическим концептам, а также через оценочные интерпретации;
3. рационализация, или логическое обоснование, основанное на легитимизации через апелляцию к различным целям, к применению и последствиям тех или иных социальных практик;
4. мифопоэтика (mythopoesis) – стратегия легитимизации через повествование или нарратив; часто представлена введением в дискурс рассказов с моральной подоплекой, которые повествуют о героях, вознагражденных за осуществление, поддержание или восстановление законных социальных практик, а также *предостерегающих* нарративов о том, как девиантные действия могут привести к плачевным последствиям (Leeuwen 2007).

Похожая классификация тактик, позволяющих осуществить легитимизацию, предлагается А. Ризом, выделяющим пять основных классов на основании задействованных механизмов убеждения: 1) эмоциональная легитимизация (в частности, легитимизация через страх); 2) гипотетическое будущее; 3) рационализация 4) мнение экспертов и 5) альтруизм (Reyes 2011).

Как один из примеров кризисной президентской риторики можно квалифицировать речь Д.А. Медведева на оперативном совещании с членами

совета безопасности 7-го октября 2011 года, где основной темой стало прошедшее голосование по резолюции Совета Безопасности ООН о ситуации в Сирии. Россия использовала право вето, тем самым остановив воплощение в жизнь предлагаемых мер по прекращению насилия со стороны действующей администрации Сирии по отношению к своим гражданам. На созванном совещании президент комментирует решение России.

Рекуррентной стратегией, пронизывающей текст на всех уровнях, является стратегия легитимизации, реализующаяся через развернутые аргументативные комплексы интерпретативного характера с обильным использованием имплицитных оценочных схем убеждения:

Надо со всей очевидностью признать, что задача членов Совета Безопасности, в особенности постоянных членов Совета Безопасности, на которых лежит особая ответственность за судьбы мира на планете, заключается в том, чтобы больше не давать поводов для создания документов, позволяющих при помощи несложных псевдоюридических ухищрений добиваться своих целей военными способами (Медведев, октябрь 2011).

Данный фрагмент является одним из аргументов, приводимым оратором в защиту основного тезиса «Россия поступила правильно, наложив вето на резолюцию Совета Безопасности ООН». Аргумент строится на основе аксиологического диссонанса - несоответствие реального положения дел ожидаемой норме: с одной стороны на членах совета безопасности «лежит особая ответственность», а с другой – оратор намекает на «псевдоюридические ухищрения», которые не должны допускаться в действиях данной организации. Искусно прибегая к лексической пресуппозиции *чтобы больше не давать поводов*, политик дает понять, что подобная ситуация уже складывалась ранее, намекая на похожее положение дел в Ливии. Отрицательная деонтическая оценка также вводится говорящим через негативно заряженную лексику (*псевдоюридические ухищрения*),

конструкции с отрицательной коннотацией, усиливаемой контекстом (*такого рода действия, не давая поводов для, произвольная трактовка*), предикаты оценочности со знаком «минус» (*весьма обеспокоены*).

Стратегия интерпретации также обладает значительным потенциалом для кризисной риторики. Реакция политических лидеров на разворачивающиеся события все же во многом задает тон и определяет *фрейм* восприятия ситуации (Kuipers 1997:20). Интерпретация ситуации в нужном для говорящего направлении помогает оратору разделить с аудиторией свое видение кризисной ситуации, ее причин, возможных последствий и путей разрешения. Пропозициональное содержание данной стратегии может быть выражено формулой «кризис *x* 1) является результатом события *a*, 2) характеризуется *b*, 3) развивается таким-то образом *c*». Типичные языковые средства, маркирующие данную стратегию в дискурсе, включают лексические пресуппозиции, придаточные предложения причины и следствия, эпистемические глагольные конструкции (*мы знаем, что...*), изъявительное наклонение, оценочную лексику, введение ценностных ориентиров, конструкции с нулевой связкой и составным именным сказуемым (русский язык), лексемы со значением процесса интерпретации информации (понять, отнестись), переход от частного к общему.

Следующий анализируемый пример представляет собой отрывок из стенограммы совещания с постоянными членами совета безопасности, проведенного 3 июня 2011 года в связи с ситуацией в Удмуртии, где на арсенале Минобороны произошел пожар, сопровождавшийся взрывами боеприпасов.

Оратор открывает дискурс стратегией интерпретации, представляя участникам разговора свое видение ситуации:

Прежде чем сделать это, хотел бы обратить внимание Министра обороны на то, что у нас второй раз за последнее время происходит

«светопреставление»: снаряды взрываются, есть раненые, пропавшие без вести (Медведев, июнь 2011).

Данный фрагмент содержит аргумент в поддержку основного тезиса, защищаемого оратором в своем обращении: «То, что произошло, не должно повториться». Стратегия интерпретации реализуется через введение оценочных комплексов, служащих своеобразными ориентирами и позволяющих передать адресату желаемое отношение к ситуации. Так, сочетание количественной (*второй раз*) и прототипической (*за последнее время*) оценки с использованием иронического перифраза «светопреставление» несут аксиологически отрицательный заряд, который усиливается введением лексики негативной оценочности: *взрываются, раненые, пропавшие без вести*.

Стратегия ориентации помогает оратору представить аудитории свое видение будущего развития событий, которые будут взяты под контроль. Формула «События x^1, \dots, x^n произойдут в (ближайшем) будущем; результат A будет достигнут» выражает смысловую сущность данного типа аргументативной стратегии. В языковом плане для данной категории характерными являются использование прямого обращения к аудитории, сочетание позитивно и негативно заряженной лексики, лексические единицы со значением возобновления и продолжительности (*continue, remain*), модальные глаголы долженствования. В прагматическом аспекте в языковом выражении стратегии в большинстве случаев присутствуют комиссивы (перформативы) и инклюзивное «мы».

Один из кризисов, с которым пришлось столкнуться действующей Российской администрации в анализируемый нами период, является грузино-осетинский конфликт 2008 года. В ночь на седьмое августа 2008 года грузинские войска начали обстрел столицы Южной Осетии Цхинвали. Восьмого августа к конфликту на стороне Южной Осетии официально присоединилась Российская Федерация в рамках операции по принуждению

грузинской стороны к подписанию мирного соглашения. В официальном обращении к населению России 8 августа 2008 года президент Д.А. Медведев прокомментировал сложившуюся ситуацию и пообещал, что сторона, ответственная за развязывание конфликта, понесет наказание. В следующем примере оратор реализует стратегию ориентации, позволяющую направить ход мыслей и ожидания адресата в нужном направлении и аргументировать легитимность предпринимаемым действиям:

Логика предпринимаемых нами сейчас шагов продиктована этими обстоятельствами. Мы не допустим безнаказанной гибели наших соотечественников. Виновные понесут заслуженное наказание (Медведев 2008).

Использование комиссивов (*не допустим, понесут*) позволяет оратору передать аудитории свое видение развития событий в ближайшем будущем. Использование местоимения «мы» в данном случае может быть интерпретировано скорее не в его типичной для политического дискурса инклюзивной функции, а как сигнал того, что над проблемой работает целая команда специалистов и профессионалов, своего рода подход, когда «одна голова хорошо, а две лучше».

Стратегия мотивации становится необходимой ораторам тогда, когда им нужно убедить аудиторию совершить какое-либо действие, такое как оказание помощи пострадавшим в ситуации кризиса. Ее пропозициональное содержание можно выразить как «Мы/вы должны сделать *x*, чтобы добиться *a*». Средства языкового выражения включают глаголы долженствования, сложно-подчиненные предложения с союзами причины, комиссивы, временной дейксис.

В следующем анализируемом нами обращении к нации Б. Обама комментирует ситуацию с лесными пожарами в Колорадо, унесшими жизни двух человек и лишившими несколько тысяч человек жилья в июне 2012 года.

So for those of you who can provide some help, you should get on the online site of the American Red Cross (Obama, 30 June, 2012).

Оратор призывает свою аудиторию помочь жертвам пожара. Использование модального глагола *should* со значением долженствования смягчает скрытый в пропозиции директив «помоги ближнему».

Стратегия демонстрации контроля необходима ораторам для повышения кредита доверия к себе как руководителю, способному справиться с кризисом. «Ситуация *x*/разрешение ситуации *x* находится под моим контролем» выражает семантический компонент данной стратегии. Перлокутивный эффект демонстрации контроля достигается с помощью использования говорящим ассертивов и персонального дейксиса первого лица единственного числа. Лексемы со значением срочности, безотлагательности, актуализируемые ценности POWER, БЕЗОПАСНОСТЬ, лексемы со значениям принятия решения в сочетании с первым лицом единственного или множественного числа (*I instructed, по-моему указанию*) также являются маркерами данной стратегии в дискурсе. Аргументативный потенциал стратегии заключается в возможности достижения легимизации через имплицитную или эксплицитную ссылку на авторитет (в данном случае свой).

В следующем примере президент дает указания по локализации пожара, осуществляя стратегию демонстрации контроля над ситуацией.

Нужно всё локализовать, но людей отправлять только тогда, когда будет полная уверенность, что взрывы прекратились. И, естественно, дать указания всем структурам (в данном случае имею в виду МЧС, некоторые другие подразделения), чтобы они работали в тесном контакте с Вами (Медведев, июнь 2011).

Введение количественной оценки, выраженной определительным местоимением «весь» (*все локализовать, всем структурам*), и гомеостатической оценки (*полная уверенность*) в сочетании с модальностью

долженствования (*нужно*) помогает достичь эффекта наличия у говорящего необходимых полномочий и его способности охватить весь масштаб сложившейся ситуации.

Стратегия интеграции отражает желание говорящего превратить кризисную ситуацию в возможность сплотить население, напомнить, что оратор принадлежит к той же группе, что и его аудитория, а значит, разделяет ее интересы. «Я/Мы являемся частью социальной группы *x*; следовательно, наши интересы и цели совпадают с интересами и целями группы *x*» отражает семантическую сущность данной стратегии. Характерными чертами являются прием проксимизации, т.е. помещение адресата в дейктический центр дискурса, а также использование лексики с эксплицитным компонентом общности и сотрудничества и метонимические вокативные конструкции (*Добрый вечер, страна!*). Определительные и отрицательные местоимения со значением «все члены множества» (*все, никто, каждый*) также являются типичными для данной стратегии. Ее аргументативный потенциал для кризисных ситуаций выражается в возможности для оратора подчеркнуть свой альтруизм и заинтересованность только в интересах своего народа, а также показать, что правомерность принимаемых решений одобряется определенными группами, что является своеобразной ссылкой на авторитет.

Стремясь к перлокутивному эффекту легитимизации, Дж. Буш использует стратегию интеграции в следующем отрывке:

More than 35 countries are giving crucial support – from the use of naval and air bases, to help with intelligence and logistics, to the deployment of combat units. Every nation in this coalition has chosen to bear the duty and share the honor of serving in our common defense (Bush 2003).

Используя потенциал прототипической (*More than...*) и количественной оценки (*35 countries*), говорящий стремится показать, что предпринимаемые им действия уже получили одобрение значительной части мирового

сообщества. Положительно заряженная лексика (*to bear the duty, share the honor of*), заключенная в пресуппозицию, добавляет аксиологическую нагрузку аргументу.

Стратегия агональности применяется ораторами, когда существует необходимость разделения картины мира на черное и белое. Найти виновного в кризисной ситуации – это значит выявить и дискредитировать противника, а также предотвратить повторение случившегося. Пропозициональное содержание данной стратегии: «Они против нас в силу факторов *a, б, с*». Лексика с контрастной оценочностью: положительно-заряженные лексические единицы для описания «мы-группы» и лексика с отрицательной оценочностью для характеристики «они-группы», а также присутствие аксиологического диссонанса являются маркерами данной стратегии в кризисном дискурсе.

(1) *Если партнёры честно и ответственно подойдут к задаче учёта наших законных интересов, интересов в сфере безопасности, то тогда, я уверен, мы сможем договориться.* (2) *Если же нам будут предлагать «сотрудничать» или, скажем откровенно, работать против наших же собственных интересов, наш общий знаменатель мы не сможем достичь, он у нас не получится* (Медведев, ноябрь 2011).

Эффект нарастающей агональности реализуется через градуированный переход от положительного к негативному. Оратор преподносит аудитории два возможных сценария развития. Первый основывается на вере в возможность партнерских отношений (*партнёры, честно и откровенно, договориться*). В то же время введение сценария (1) через конструкцию с придаточным предложением условия (*если...*) является синтаксическим маркером существования альтернативной возможности развития событий. Наличие противоречия в (2) маркируется частицей «же», указывающей на то, что вводимая пропозиция будет противоположна предыдущей.

Синтаксический маркер усиливается выбором лексических единиц негативной оценочности (*против наших интересов, не сможем достичь*).

Все семь стратегий были обнаружены как в кризисных нарративах США, так и в речах российских политиков. Основные расхождения между двумя дискурсами заключаются в языковой реализации стратегий и, в частности их употребления в силу политических традиций и условностей языка.

Как продемонстрировал количественный анализ аргументативных стратегий на базе двух корпусов текстов, частотность употребления аргументативных стратегий различается в американской и российской политических традициях. Мы проанализировали два корпуса, каждый из которых состоит из сорока текстов (корпус транскриптов речей американских президентов составил 12 083 слова; корпус транскриптов речей американских политических лидеров – 12 160 слов), которые были отнесены нами к категории кризисных. Количественный анализ позволил прийти к следующим результатам, приведенным в таблице 1.

Таблица 1.

Тип стратегии	Количество употреблений в русском корпусе текстов		Количество употреблений в американском корпусе текстов	
	Фактическое количество	Количество в процентном соотношении	Фактическое количество	Количество в процентном соотношении
Стратегия интерпретации	44	28%	48	29%
Стратегия легитимизации	24	15%	27	16%
Стратегия мотивации	7	4,5%	14	8,5%
Стратегия	24	15%	15	9%

демонстрации контроля				
Стратегия ориентации	26	17,5%	24	14,5%
Стратегия интеграции	18	11%	31	19%
Стратегия агональности	14	9%	7	4%
Всего	157	100%	166	100%

Так, стратегии интерпретации, легитимизации и ориентации используются политическими лидерами обоих государств примерно одинаковое количество раз. В то же время стратегия интеграции более характерна для первых лиц США. Их стремление подчеркнуть единство народа в сложной ситуации, скорее всего, связано с культурно-политическими традициями страны. Российское руководство демонстрирует склонность к более частому использованию стратегии демонстрации контроля, что с одной стороны можно объяснить исторической традицией России полагаться на государство в разрешении кризисных моментов, а с другой – желанием политических лидеров подчеркнуть свою способность действовать эффективно и быстро принимать правильные решения. Еще одним ключевым моментом является более частое употребление российскими президентами стратегии агональности, что может быть связано с национально-специфической традицией искать виноватого в любой ситуации, причем не только виноватого в возникновении кризиса, но и в том, почему последствия трагедии не устраняются достаточно быстро. Американское правительство, наоборот, делает акцент на тех положительных результатах, которые уже были достигнуты в разрешении кризисной ситуации. Стратегия мотивации также более характерна для американского

политического дискурса в кризисной ситуации. Одним из возможных объяснений данного феномена может быть национальная традиция волонтерства, развитая в США, где добровольческой деятельностью охотно занимаются как студенты, так и обычные граждане.

Обобщение результатов качественного и количественного анализа позволило выстроить следующую прототипическую структуру кризисного нарратива в российском политическом дискурсе:

- 1) введение в курс дела, интерпретация кризиса,
- 2) выражение соболезнования,
- 3) ориентировка на будущее,
- 4) обещание найти виновных,
- 5) легитимизация принятых решений по предотвращению кризиса в будущем и/или устранению последствий случившейся трагедии.

Американские политические лидеры предпочитают следующую структуру кризисного нарратива:

- 1) введение в курс дела, интерпретация кризиса,
- 2) выражение соболезнования,
- 3) выражение благодарности всем лицам, принявшим участие в разрешении кризисной ситуации,
- 4) легитимизация принятых решений по предотвращению кризиса в будущем и/или устранению последствий случившейся трагедии,
- 5) напоминание о единстве нации, поддержке друг друга – мотивация и интеграция.

В заключении подводятся итоги исследования согласно поставленным задачам и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Анализ кризисных нарративов американских и российских политических лидеров показал, что ораторы предпочитают традиционную структуру построения кризисного текста: введение в курс дела, интерпретация, соболезнования, ориентировка на будущее, аргументация принятых решений

по предотвращению кризиса в будущем и/или устранению последствий случившейся трагедии. Для американских лидеров характерной чертой является речевой акт высказывания благодарности участникам событий и акцент на единении нации. Российское руководство строит кризисную коммуникацию, полагаясь на стратегию контроля и пропозицию: «виновники понесут наказание».

Квантитативный анализ аргументативных стратегий на базе двух корпусов текстов показал, что, несмотря на присутствие всех выделенных нами типов стратегий как в российском, так и в американском политических дискурсах, частотность их употребления различается. Так стратегии интерпретации, легитимизации и ориентации применяются политическими лидерами обоих государств со статистически незначительной разницей. В то же время, российские президенты используют стратегии демонстрации контроля и агональности более охотно, чем американское правительство. Но, с другой стороны, лидеры США значительно чаще используют стратегии мотивации и интеграции. Установленная разница в частотности применения стратегий может быть обусловлено как национально-специфическими политическими и историческими традициями, так и идиосинкразическим фактором.

Мы отдаем себе отчет в том, что описание выделенных нами семи типов аргументативных стратегий не охватывает всего потенциала политической аргументации. Тем не менее, работа, сформировавшаяся на основе анализа литературы и анализа политической риторики, позволила сделать общие выводы о стратегических ресурсах речевого поведения участников политического дискурса.

Несомненно, более детальные, подробные описания аргументативных стратегий требуют обращения к аспектам языковых личностей политических лидеров.

Аргументативные стратегии образуют открытый список и являются повсеместными в политической коммуникации. Иные типы кризисных нарративов, иные формы коммуникации и соответствующие им типы дискурсов, требуют иных стратегических решений, что открывает перспективу дальнейшего изучения языковых явлений речевого воздействия.

Основное содержание исследования отражено в следующих публикациях:

1. Аргументативный дискурс в политической риторике // Язык. Культура. Образование. Материалы региональной конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков ОмГПУ. 19-20 ноября 2008 г.. – Омск: ОмГПУ, 2009. - С. 64-68.
2. Система образования США в контексте политического дискурса: демократические традиции во взаимодействии преподавателей и студентов // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: межвузовский сб. науч. тр. вып. 8. – Омск: ИПК Макшеевой Е.А., 2010. – С. 262-264.
3. Оценка как аргументативная стратегия политического дискурса. Аксиологическое манипулирование // Современная филология: теория и практика: Материалы II международной научно-практической конференции 1-2 ноября 2010 года. – М.: Институт стратегических исследований, 2010.- С. 195-196.
4. Политический дискурс в социально-когнитивном аспекте // Современные социальные процессы: человеческое измерение. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции (г. Набережные Челны, 25 декабря 2010 г.) / под.ред. .М. Асратяна и В.А. Шевчук. – Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2011. - С.259-262.
5. Аргументативные стратегии как средство политического манипулирования (на материале выступления госсекретаря США К. Пауэлла) // Иностранные языки: лингвистические и методические

- аспекты: Сборник научных трудов. Вып. 12. – Тверь: Твер. Гос. ун-т, 2011. – С. 140-144.
6. Нерешенные вопросы единой парадигмы теории аргументации // Вопросы современной лингвистики и методики обучения иностранным языкам в школе и ВУЗе. Материалы международной очно-заочной научно-практической конференции (17 мая 2011 г.). – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2011. – С. 160-165.
7. Аргументативные стратегии политического дискурса как объект лингвистического анализа // Вопросы филологии. – 2012. - №2 (41). – С.114-121.